

**Всероссийская научная конференция
«Философия права в России
(к 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева)»**

15 сентября 2016 г. на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Философия права в России (к 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева)». Председатель оргкомитета конференции, зав. кафедрой истории русской философии профессор М.А. Маслин при открытии зачитал приветственное слово всемирно известного польского ученого, академика Польской Академии наук Анджея Валицкого, направленное специально в адрес данной конференции. На конференции прозвучали доклады, посвященные исследованию таких проблем, как философия политики и права в России, становление социального идеала, философское обоснование естественно-правовой идеи в русской культуре, дискуссионные проблемы философии права в России, идея правового государства, философское мировоззрение и философия права П. И. Новгородцева. На круглом столе, завершившем конференцию, обсуждались актуальные вопросы по теории и истории права в русской философской мысли и за рубежом, философии права и современного правового государства, юридические и философские аспекты в политике и праве, вопрос об истоках философии права в русской философии.

Приветственное слово академика Анджея Валицкого

Варшава, 24.03.16

Уважаемые дамы и господа, дорогие коллеги – мне очень приятно было узнать от проф. М. Маслина, что его кафедра организует конференцию «Философия права в России (к 150-летию со дня рождения П. И. Новгородцева)». Я, конечно, радуюсь этому событию и желаю всем его участникам научного успеха. А для меня лично конференция на эту столь близкую мне тему имеет еще некое символическое значение. Я часто подчеркивал, что первым учителем философии и, одновременно, первым интерпретатором русской философской культуры, был для меня, к моему большому счастью, замечательный русский мыслитель, философ и теоретик правового государства, глубокий знаток идей Достоевского и Владимира Соловьева, Сергей Гессен. Его отец, Иосиф Гессен, был в дореволюционной России (вместе с Августом Каминкой) редактором влиятельного еженедельника «Право», провозгласившего борьбу за справедливое право как неотъемлемую часть антипозитивистского ренессанса в культуре России, частью которого были также правовые идеи Новгородцева и Петражицкого. После революции Иосиф Гессен тесно сотрудничал с Новгородцевым в издаваемой в Германии кадетской газете «Руль», а его сын, Сергей, развивал идеи Новгородцева в своей критике марксизма и в концепции развития правового государства, провозглашавшей (вслед за Новгородцевым) незыблемость права человека на «достойное существование». Право это, ставшее фундаментом эволюции либерализма в сторону «welfare state», провозгласил также английский «Новый

либерализм» начала XX века (который нельзя смешивать с современным нам «неолиберализмом», вернувшимся к апологии так называемого «свободного рынка»). Новгородцев и Сергей Гессен прекрасно знали об этом, но справедливо указывали, что в России неотъемлемое право человека на «достойное существование» провозгласил уже Владимир Соловьев в «Оправдании добра».

Важно также отметить вклад Новгородцева и Гессена в опровержение специфически социалистических форм правового нигилизма, присущих также марксизму и (особенно) ленинизму. Я обратил на это внимание в книге о философии права русского либерализма, называя Новгородцева первым и наиболее глубоким российским «марксологом». Такого же мнения был молодой Гессен, для которого книга Новгородцева «Об общественном идеале» была «лучшим изложением марксизма в мировой литературе предмета». Она осталась классической книгой о марксистской утопии и в наше время (это отмечено в моем труде «Marxism and the Leap of the Kingdom of Freedom», Standford, 1995).

Таким образом, существует какая-то человеческая преемственность между Новгородцевым, Сергеем Гессеном, моей книгой о философии права русского либерализма и Вашей конференцией, к которой обращаюсь по приглашению проф. Маслина. Могу еще добавить, что моя упомянутая выше книга писалась в начале восьмидесятых годов в секторе истории идей Австралийского национального университета, возглавляемом Юджином Каменкой, близким родственником Августа Каминки, редактора «Права». Он рад был этому, поскольку соглашался со мной, что лучшим выходом России из «реального социализма» будет правовое государство, а не политическая борьба партий во имя неограниченного правом народовластия.

Жуков В.Н., д.ф.н., проф. кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ

П.И. Новгородцев и русская философия права

В дореволюционной России существовало две разновидности философии права: позитивистская и метафизическая. Последняя в наибольшей степени несла на себе печать своеобразия русской культуры. Главная черта метафизической философии права, связанной с апофатическим богословием Византии, – поиск смысла жизни человека и человечества. Русские авторы демонстрировали не абстрактное теоретизирование, а подлинный нравственный порыв в поиске царства Божьего. Метафизическая философия права отразила трагизм русской жизни, в ней мы находим высокий уровень обобщения прошлого и настоящего русского народа, предвосхищение катаклизмов русской жизни в XX в. Особенность философии права Новгородцева состояла в том, что он выстраивал ее на основе рассмотрения политико-правовых концепций. Основной его вклад – критический анализ теории либерализма («Кризис современного правосознания») и социализма («Об общественном идеале»). На этом пути Новгородцев достигает подлинно философских обобщений. Правда,

его критика марксизма местами выглядит вульгарной, поверхностной. К числу заслуг Новгородцева следует отнести и то, что он одним из первых дал фундаментальную критику общественной науки как формы социальной мифологии. Новгородцев – крупный историк политической и правовой мысли. По своим политическим взглядам Новгородцев – консервативный либерал, кадет, сторонник правового государства и правовой защищенности личности, сторонник социальных гарантий. При этом он – православный патриот и русский империалист, который всегда выступал за сохранение единства страны, ее территориальное расширение, проведение активной внешней политики (в том числе военным способом), что существенно отличает его от либерала-западника современной России.

Сердюкова Е.В., к.ф.н.ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Философско-правовые взгляды Н.О. Лосского

Работа с архивом Н.О. Лосского, который хранится в Институте славянских исследований в г.Париже, позволяет совершенно по-новому взглянуть на роль и место Н.О. Лосского в истории русской философии. Как показала предварительная работа с документами, содержание архива существенно меняет представление о Лосском, как о философе, преимущественно занятом разработкой проблем интуитивизма и идеал-реализма. Более поздние документы архива свидетельствуют о формировании в эмиграции социально-философских, политико-правовых, религиозных взглядов русского философа. В своих статьях «В защиту демократии», «Индустриализм, коммунизм и утрата личности», «Какой идеал противопоставить коммунизму?», «Органическое строение общества и демократия» и ряде других Н.О. Лосский подвергает резкой критике социализм и коммунизм, отмечая, что режим в СССР это не коммунизм, а «рабовладельческий государственный капитализм», «тоталитарное полицейское государство». Социальная справедливость может быть достигнута без той ломки общественной жизни, которая требуется социализмом. Отправным документом в деле построения общественного строя для Н. Лосского является «Всеобщая декларация прав человека», которая гарантирует человеку ряд прав: свободу мысли, совести и религии (§18), свободу мнения, выражения его и информации (§19), свободу мирных собраний и ассоциаций и т.д. Реализовать эти права в действительной жизни – крайне сложная и трудная задача. Лосский задает вопрос: какой тип государственного строя и какая социально-экономическая система наиболее благоприятна для решения этой задачи? Русский философ возлагает надежду на демократию, «разумея под этим словом выраженное в §21 Декларации право участия каждого гражданина в управлении своей страны посредством представителей, свободно избранных путем всеобщего, равного и тайного голосования». Для того чтобы формальная демократия стала истинной демократией, необходимо политическое воспитание народа. К высоко культурным демократиям Лосский относит Великобританию, США, Францию, Швецию и некоторые другие страны, которые развиваются в направлении «государства благоденствия» (Welfare State), где каждый член общества будет защищен от нищеты и получит все средства, для удовлетворения своих духовных потребностей и духовного

развития. Экономическая сторона такого строя будет опираться на систему всеобщего страхования, разработанную лордом Бевериджем - английским социальным реформатором (сама модель «Welfare State» восходит к Бисмарку, создавшему систему всеобщего страхования, лорд Беверидж стал известен всему миру после доклада, сделанном в 1942 году, в котором были определены основные направления развития социальной политики в послевоенной Европе. В своих исследованиях он представил теоретические основы современного социального государства). К идее «государства благоденствия» Лосский также обращается в статье «Welfare State versus communism» (в архивных документах найдена машинописная копия этой статьи, текст которой весьма приближен к статье «Какой идеал противопоставить коммунизму?») и в послании к молодежи в России, помещенном в сборнике «Старые - молодым» (1960 г.). План Бевериджа может быть осуществлен в стране постепенно, без революционных потрясений и с сохранением всех свобод. Таким может быть путь будущей России.

Дидык М.А., к.ф.н., Ерыгин А.Н., д.ф.н., ЮФУ, Ростов-на-Дону

Тема православия в философии права Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева

Проблема соотносительности в философии права, в творчестве и мировоззрении Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева христианских и либеральных ценностей предполагает их связь как в «секуляризационной» тенденции, так и в направлении, допускающем их состыковку и дополнительность. Споры о связях субъективной и объективной этики представляются в этом контексте важной, но чисто интеллектуальной философско-правовой рамкой реальной социокультурной, цивилизационной проблемы: соотношения права и православия. Для Чичерина тема православия поглощается темой общехристианской, причем христианство мыслится как вторая историческая ступень цивилизационного развития человечества, реализованная как на Западе, так и в России в средние века (в эпоху феодализма и вотчинного строя как вариантов «гражданского общества»). Новое время – это двойственный процесс политизации и либерализации общественной жизни, выхода на сцену истории государства в его абсолютистской, затем правовой (либеральной) формах. Христианству в прежнем смысле слова места не остается: оно цивилизуется, социализируется, а с другой стороны, окончательно оказывается делом личной веры и разума. Иной взгляд на христианство – у Соловьева. В его «центрической» модели истории (предваряющей «осевую» концепцию К. Ясперса) она укладывается в три этапа: родовая организация, государство (деспотия на Востоке и полис на западе), духовное общество (христианская церковь). Христианство видится как преодоление и двух первых форм, и противостояния Востока (буддизм) и Запада (греческая философия). Но тема права в контексте европейской цивилизационной истории оказывалась уже выпадом против церковного православия, поскольку «Церковь не есть только святость, она также есть власть и свобода».

Сытин А.Г., к.ф.н., доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Демократия как проблема и задача в осмыслении П. И. Новгородцева

Философский поиск П.И. Новгородцева имеет прямое отношение и к философии права, и к философии политики (хотя в то время в России не было такой терминологии). Можно сказать, что это по существу неразделимая на «дисциплинарные» части философия политики и права. Среди ключевых сюжетов этого философского поиска – проблематика, связанная с демократией, ее философскими основаниями, критериями успеха, опасностями и перспективами, философско-политической мыслью о демократии. Идеино-политическую позицию, которую развивает Новгородцев, уместно назвать не только социальным, но и демократическим либерализмом. Говоря об общественном идеале, он среди важнейших нормативных ориентиров политики указывает, что можно и должно стремиться к свободному влиянию все большего числа людей на ход общественной жизни. Таким образом, в само «ядро» теоретических представлений Новгородцева об общественном идеале входит идея широкой демократизации общественной жизни. Новгородцев рассматривает демократию не как абсолютное зло или абсолютное благо, а как исторически-конкретную проблему, которая требует всегда отдельного, соответствующего многообразным обстоятельствам и конкретным государственным задачам решения. По Новгородцеву, демократия всегда есть «распутье», от которого дороги расходятся в разные стороны, и чтобы в этих условиях найти верный, подходящий путь дальнейшего движения, требуется наличие ряда предпосылок, а в особенности – искание, творчество, напряжение нравственных сил, политическое воспитание народа.

Шамшурин В.И., д.соц.н., проф. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Философия права П.И.Новгородцева и его критика социальных утопий

Величие Павла Ивановича Новгородцева, главы Московской школы юриспруденции, «государственной» школы философствующих юристов, сторонников естественного права, представителя школы классического либерального консерватизма, прежде всего в том, что он не только философ и юрист (что в римском праве, как известно, одно и то же). Он ещё и Учитель, учениками которого были людьми самых разных научных и политических убеждений. Но при этом каждый был личностью, оставившей в культуре России заметный след. Ученики Новгородцева были его соратниками, хотя и не всегда единомышленниками. С Новгородцевым сотрудничали о. С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Г.В. Флоровский и ряд других мыслителей. Примечательно, что Новгородцев - прообраз философа Николая Николаевича Веденяпина в романе Б.Л. Пастернака Новгородцев и его последователи разработали особую философско-правовую теорию многомерно-гармонической (Симфонической) деятельности личности как абсолютной самооценности, условия, основания и цели правового государства. На примере Новгородцева видно, что характерная особенность русской философско-правовой мысли – поиск постоянства в социально-политической изменчивости. Общественным

идеалом не может быть тот или иной вариант земного рая. Такой идеал всегда чреват адом агрессии и террора. Идеал – стремление как неустанный труд ко всё усложняющейся цели. Кроме того, в силу ограниченности ресурсов и неравномерности их распределения любой прыжок в светлое земное будущее неминуемо будет связан с насилием, и неясно, писал Новгородцев, как потом водворится свобода. П.И. Новгородцев продолжает теорию апокатастазиса и синергии Григория Нисского, когда говорит, что не земной рай как вечная награда за употреблённые ранее усилия, а неустанный труд как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, «сотрапачество» - вот задача общественного прогресса, при котором общество держится личностью, её подвигом и трудом.

**Кацапова И.А., к.ф.н., ст. науч. сотр. Института философии РАН
Русская школа философии права (на примере творчества П.И.
Новгородцева)**

Ретроспектива теоретического наследия к. XIX – н. XX века позволяет воссоздать реальность, в которой политико-правовая мысль создала собственное теоретическое пространство – отечественную школу философии права. В России в этот период уделялось большое внимание проблемам морального оправдания и обоснования права, а также проблемам соотношения морали и права. Создавая свое культурное пространство, отечественная философия права стала носителем духовных смыслов, определяющих мировоззренческие основания культуры. Теоретическим и идейным основанием для ее формирования стала полемика между юристом Б.Н. Чичериным и философом В.С. Соловьевым, которые, опираясь на богатый опыт западноевропейской естественно-правовой традиции, создали теоретические основания для полемики вокруг философско-правовых проблем. Содержание полемики между Чичериным и Соловьевым вызвало не только общественный резонанс в культурной и общественной жизни, но и определило собственное направление в вопросах философии права. В нее активно включились сторонники т. н. позитивистского направления в юридической науке (Г.Ф. Шершеневич, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский) и теоретики т. наз. Московской школы естественного права во главе с П.И. Новгородцевым (Е.Н. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, А.А. Яценко, Б.П. Вышеславцев). Итогом спора стал некий синтез их позиций в новой версии русской либеральной мысли - в «социальном либерализме». Совершенно очевидно, что в отечественной философско-правовой мысли в исторический период с сер. XIX – начало XX столетия темы и проблемы философско-правового поля были глубоко проанализированы и фундаментально исследованы отечественными правоведами, юристами и философами.

Бойцова О.Ю., д.полит.н., проф. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Политика - антиценность? О месте политики в общественном идеале

Для анализа феномена общественного идеала в историческом и теоретическом аспектах необходимо обратиться к текстам, в которых фиксируется общественный идеал. Среди них особое место занимают утопии, в

которых представлены различные варианты образа желаемого/нежелаемого мироустройства. Все эти версии объединяет ценностно-нормативный, ориентационно-мотивирующий и проективный характер. Для определения места, которое отводится в таком мироустройстве политике, следует выделить два ее аспекта — конфронтационный и консенсусный. В истории мысли именно они стали основой двух базовых интерпретаций, дискутирующих о том, является ли политика борьбой за власть или управлением, консолидацией ради реализации общей воли. Анализ классических утопий XVI-начала XIX вв. показывает, что образ идеального общества не предполагает политической борьбы за власть. Версии общежития являются совершенными и потому желаемыми именно в силу того, что в каждом случае это — принципиально замиренное общество, в котором не может быть групп со взаимоисключающими интересами. Речь может идти лишь о рациональном управлении, функции которого возложены на государство. Такой же подход можно увидеть и в утопиях более позднего времени, более разнообразных в трактовке общественного идеала: политики или совсем нет, или же она сведена к управлению и/или самоуправлению. Даже в идеале есть место для государства, оно работает только как администратор — либо полновластный, либо подконтрольный, в зависимости от типа утопии. В любом случае правительство располагает совершенным управленческим механизмом, который принципиально статичен — в силу своей идеальности он не нуждается в улучшении, а следовательно, ни в каком изменении; вопрос о выборе политического курса также не стоит. Такая стабильность покоится на неоспоримости рациональных принципов и всеобщем признании оптимальности существующего порядка. Будучи установлен раз и навсегда, этот механизм предназначен либо направлять и корректировать поведение несовершенных людей в условиях совершенных социальных институтов, либо воспроизводить идеальные нормы общежития идеальных людей. Отсутствие политики поддерживающе-репликативного характера служило позитивно маркируемым элементом общественного идеала вплоть до рубежа XIX-XX в., когда в утопическом творчестве произошла смена приоритетов. В этот период стали доминировать антиутопии, где те же характеристики общества, достигшего ценностного консенсуса и абсолютной управляемости, выступают со знаком минус. Но и в этом случае, лавируя между Сциллой непредсказуемости, делающей человека игрушкой социальной стихии, и Харибдой технологичности, превращающей его в безвольный винтик гигантской машины, утопизм выстраивает общественный идеал, в котором не находится места политике во всем многообразии ее граней. Она появляется лишь в предельно усеченном виде, и способность общества обойтись без нее оказывается важнейшим показателем оптимальности социального порядка.

Никандров А.В., к.полит.н., доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Апофатика общественного идеала П.И. Новгородцева и американская демократия

Зачастую политический идеал Америки отождествляется с демократией – соответственно, цель мировой самоэкспансии США заключается в распространении либерально-демократических ценностей на весь мир. С одной стороны, продвижение демократии увязывается с безопасностью Америки в управляемом ею же мире, выстроенном по «демократическим принципам». С другой стороны, при всей своей притягательности и, если угодно, респектабельности, идея демократии при ближайшем рассмотрении представляется скорее штампом со стершимся изображением, узнаваемым лишь по контурам и названию, – и именно такая «демократия» (как бренд или товар) и подлежит «распространению», т.к. при необходимости этот концепт можно преобразовать как угодно, соответственно любой политической ситуации. Такой конструкт может удачно вписываться в изменяющиеся идеологические системы и «каскады», но едва ли может *быть* политическим идеалом. Главная причина того, что демократия, как бы мы ее ни понимали, не может быть ни представлена обоснованно в качестве политического идеала Америки, ни тем более являться им, – состоит в том, что с середины 70-х годов XX века был инициирован процесс демонтажа демократии (здесь от демократии как идеологемы, религии, метода управления и пр. – мы возвращаемся к демократии как политическому режиму, – и видим, что дело не столько в факте такого демонтажа, сколько в том, что он *стал возможен*, – если не *необходим*). Примечательно, что с начала 70-х годов в области экономической и социально-политической мысли и практики резко становятся востребованными и «обретают» невероятное влияние и политический вес ультралиберальные, антикейнсианские идеи Ф. фон Хайека. До определенного момента такого рода теории не были востребованы и состояли «в резерве» западных «организаторов науки», но с началом 70-х годов все резко меняется: после «неожиданного» присуждения Хайеку Нобелевской премии в области экономики (1974). Р. Рейган в 1983 году принял идеолога ультралиберализма в Белом доме; М. Тэтчер приветствовала Хайека в 1989 году, в день его 90-летия; а в 1991 году Хайек был награжден президентской медалью Свободы. В 70-е годы кризис поразил вовсе не демократию. Кризисом был поражен американский гегемонизм, система доминирования США в рамках Запада. Демократия противоречит концепции американского превосходства, мешает установлению такой системы международных отношений, в которой Америка обладала бы безусловным доминированием. В настоящий момент, когда мировая «гегемония» США медленно, но верно становится *достоянием* истории, и говорить о доминировании Америки, нищета которого стала очевидной даже для «догматиков атлантизма», скоро можно будет разве что в порядке шутки или воспоминания (хотя еще много остается идеологов, доктринеров и политиков, не покидающих «старые» позиции и упорствующих в повторении избитых мантр и штампов об «исключительной и незаменимой», «сильнейшей, но не эгоистичной», и даже «доброй» Америке или американской нации; маловероятно, что апологеты гегемонии пересмотрят свои позиции, и в будущем) настоящей необходимостью становится изучение исторического развития как самой идеи превосходства и гегемонии одной страны над

остальным миром, так и этапов ее политического, экономического и культурного воплощения.

Аласания К.Ю., к.полит.н., доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Методологическое значение принципа нравственного идеализма П.И. Новгородцева

Сегодня, в эпоху серьезных общественно-политических трансформаций, проблема ценностных ориентиров оказывается ключевой. Одну из возможностей обретения такого рода ориентиров представляет П.И. Новгородцев в своей работе «Нравственный идеализм в философии права» (1902). Несмотря на то, что с момента выхода этой статьи в свет прошло больше сотни лет, по-прежнему актуальной остается идея Новгородцева о том, что потребность в создании идеалов становится наиболее острой в переломные моменты истории. Важно отметить, что в этом небольшом по объему тексте содержатся не только размышления о механизмах формирования потребности в социально-политических изменениях, но излагаются основы методологии, впоследствии используемой при создании знаменитых работ, благодаря которым складывается философская система политико-правовых взглядов этого выдающегося русского мыслителя. Следует отметить также блестящую проработку тезиса о возможности работы принципа нравственного идеализма при постановке реальных политико-правовых задач. Подход, исходя из которого создание нравственного идеала является отправной точкой для теоретических изысканий, а впоследствии, возможно, и практических действий в политико-правовой сфере, представляется чрезвычайно продуктивным. И, наконец, этот текст содержит ответ на общий вопрос, который так часто можно услышать сегодня в среде философов: чем может и должна заниматься современная философия? Вслед за Новгородцевым можно ответить, что она может давать «философски обоснованные принципиальные указания», которые позволяют верно понимать задачи, стоящие перед наукой и практикой в различных областях социальной сферы.

Хмелевская С.А., д.ф.н., проф. кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ

К вопросу о философских основаниях права

Право базируется на тех или иных философских основаниях. По концептуальному статусу их можно разделить на рефлексивные основания, в которых объект права (например, в трактовке отечественной теории права - это общественные отношения) рассматривается в собственной логике развития, и валюативные основания, предполагающие ценностное осмысление данного объекта. В свою очередь, валюативные основания права могут:

а) выражаться суждениями значимости, и:

- отражать выбор целей правового регулирования, имеющий в идеале в современном правовом демократическом государстве характер общезначимости (таковы, например, нормы конституционного права, которые задают целенаправленность норм национального права в целом); кроме того,

выработаны и механизмы формирования такой общезначимой позиции (например, референдум);

- отражать цели правового регулирования, имеющие характер общезначимости, однако общезначимость которых следует из необходимости обеспечения существования человека, его жизни и здоровья (таковы, например, нормы уголовного права);

- отражать выбор средств, адекватных реализации поставленных целей (в конечном итоге, базисная цель права - урегулированность тех или иных общественных отношений нормами права);

б) выражаться в суждениях ценности, отражающих предпочтения субъектов права, основанные на свободе выбора. В связи с этим следует выделить нормы права, которые выражают приоритеты государственной власти, гражданского общества и/или отдельных личностей. Например, диспозитивные нормы гражданского права предполагают известную самостоятельность субъектов правоотношений в определении их взаимных прав и обязанностей.

Почему важно такое разделение философских оснований? Прежде всего, потому, что при решении вопроса, какая философская система может выступить в качестве основания права, следует признать, что при формулировании ряда норм права применяется рефлексивная философия, которая должна быть адекватна логике развития системы общественных отношений. Кроме того, применяются суждения значимости, которые близки по своему статусу рефлексивным суждениям, но, тем не менее, все-таки исключаются из гносеологического рассмотрения.

Фролова Е.А., д. ю. н., доц. кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ

Философия права П.И. Новгородцева

П. И. Новгородцев, представитель Баденской школы неокантианства, показал неизбежные границы исторического объяснения идей и недостаточность для философии права только лишь исторического метода. Он показал, что философское изучение правовых идей не касается вопросов их исторического происхождения; оно заключается в обнаружении внутренней ценности и сущности права и государства. Поскольку возникают проблемы системы, догмы, критики политико-правовых доктрин, необходим философский метод. Отечественный мыслитель четко отграничивал задачи философского изучения от задач любого другого метода. Во-первых, это систематизация – проверка логических свойств системы, которая выражается «не в примирении всех отдельных элементов доктрины, а в их объяснении при помощи их совокупного изучения». Сущность этой задачи состоит в том, чтобы отдельные положения рассматривать в общем контексте теории. Во-вторых, это критическая задача, включающая в себя оценку логических достоинств и сравнительный анализ теорий. Эти две задачи можно отнести не только к философскому, но к любому научному изучению; то, что отличает философский способ исследования, заключается в свойстве догматичности. Догматичность – третья задача философского метода. Каждая доктрина есть

утверждение, поэтому «существует потребность выяснить значение доктрины с точки зрения принятых нами установок или одушевляющих нас стремлений». Позитивно-социологическому исследованию права П.И. Новгородцев противопоставлял нормативно-этическое, согласно которому нравственность и право изучаются «не только как историческое и общественное явление, но и как внутренне-психическое индивидуальное переживание, как норма и принцип личности. Он обосновывал положение, имеющее ключевое значение для этической теории права – логический и нравственный объем доктрины как системы абстрактных определений шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни. Отсюда – возможность подвергнуть критике доктрину независимо от исторических предпосылок ее возникновения и развития.

Угрин И.М., к. полит. н., мл. науч. сотр. Института философии РАН
Право в концепции гарантийного государства Н. Н. Алексеева

До конца недооценённой и одновременно имеющей большие перспективы представляется концепция *гарантийного государства* Н. Н. Алексеева – известного философа и правоведа, ученика П. И. Новгородцева, одного из крупных представителей евразийства. Гарантийное государство – это государство, в основании которого лежит органическое начало правообязанностей, то есть сочетания прав и обязанностей, при котором *все субъекты* правовых и политических отношений наделены рядом взаимообусловленных прав и обязанностей относительно друг друга. Н. Н. Алексеев в статье «Обязанность и право» подробно анализирует различные типы правоотношений – односторонние и многосторонние. Односторонние правоотношения – отношения, в которых «правомочие одного лица соответствует обязанности другого». Многосторонние отношения – отношения, при которых «правомочия и обязанности своеобразно сочетаются в том и другом, входящем в правоотношения лице или лицах». При этом тип многосторонних отношений также распадается на два подтипа: *механические и органические*. В докладе раскрываются особенности этих типов и их деление на еще более низкие подвиды. Правоотношения, которые лежат в основе гарантийного государства, – это органические многосторонние отношения, при которых правообязанности с одной стороны (например, властителя) соответствуют правообязанностям с другой стороны (подчиненных). Сами права и обязанности обеих сторон правоотношений не являются продуктом общественного договора, но соответствуют «внутренней правде», то есть абсолютным нравственным константам. Однако, в отличие от славянофилов, Алексеев считал, что эти константы, нормы и ценности должны также выражаться и во внешнем формальном праве, то есть между «внутренней правдой» и «внешней справедливостью» (законом и правом) должно быть ясно видимое согласие, и это ее внешнее выражение имеет большое значение. Гарантийное государство или *государство правды* призвано устранить противоречие между формальным правом (приоритет которому над «правдой» отдали западные государства) и внутренней правдой, то есть это нравственно-правовое государство, сочетающее в себе оба начала, где духовное и

нравственное принуждение – суть «основы последних гарантий, допускаемых существом государства, как союза властного и принудительного» (Алексеев Н. Н. «Современное положение науки о государстве и ее ближайшая задача»). Концепция гарантийного государства представляет большой интерес с точки зрения ее роли в развитии евразийского движения, идеи основоположников которого сейчас приобретают популярность в российском обществе.

Герасимов Н.И., к.ф.н., ст. науч. сотр. Дома русского зарубежья Александра Солженицына

П.И. Новгородцев и Е.В. Спекторский о политико-правовых аспектах теории анархизма

П.И. Новгородцев и Е.В. Спекторский никогда не сотрудничали, а были знакомы лишь заочно, но, не смотря на это обстоятельство, Е. В. Спекторского можно считать продолжателем идей П. И. Новгородцева, особенно в вопросе понимания и интерпретации леворадикальных теорий, в частности, анархизма. Критика П.И. Новгородцева исходит из того, что анархизм противоречит сам себе в требовании абсолютной свободы, отрицая сам основы общества. Кроме того, радикализм анархизма приводит к «прерыванию истории», что с необходимостью заставляет мыслить исторический процесс в категориях эсхатологии. Подробный историко-философский обзор П.И. Новгородцевым теории анархизма полностью соответствует предложенной П. Эльцбахером систематизации либертарных учений. Оригинальность критики анархизма, предпринятой П.И. Новгородцевым, однако, состоит в сознательном игнорировании идеи радикализма, избегании её как того, что не удовлетворяет духу русской школы философии права, желанию в каждом акте критики следовать правилу подробного систематического анализа. Стоит признать, что сложно анализировать любую форму радикализма в силу противоречивости его природы. В этом отношении Е.В. Спекторский продолжает идеи своего старшего единомышленника. Он также приходит к идее противоречивости анархизма, но немного иным путём. Как и многие представители школы естественного права, он разрабатывает своё исследование, используя «генетический метод» - метод поиска корней происхождения тех или иных концепций. По Е.В. Спекторскому, история мира – вечное переплетение категорий естественного и социального. В древности в основе права лежала идея непосредственной социальности. Затем сквозь идею социальности стала изучаться природа, в первую очередь небесный свод. Организация созвездий – это продукт социоморфизма, взгляда на небо сквозь призму общественных отношений. Мифология древних людей – это отражение этой социальности. Что такое древнее право? Это понтификальное право – регулятив отношений между людьми и воображаемым миром богов. Созерцание идеального создало идею земного воплощения небесного идеала – утопию. Анархизм опирался на идею утопии, выраженной в форме морального радикализма, но считал, что наблюдаемая природа – предел естественного. Он не понимал, что наблюдаемая природа – это продукт социоморфизма. То, что анархизм называл естественным, в действительности было искусственным, дважды социальным. Правовое требование анархизма – воплощение этой

утопии средством «очищения» всей общественной жизни от искусственного. Естественное право, обычное право, как, например, его понимает князь П.А. Кропоткин, не является естественным в собственном смысле слова. Непринятие радикализма – общая черта в изысканиях и П.И. Новгородцева, и Е.В. Спекторского. Философы права не хотели видеть в анархизме этико-эстетический жест, в отличие, например, от Н.А. Бердяева. Н.А. Бердяев, рассуждая об анархизме Л.Н. Толстого, совершенно верно отметил, что гениальный русский писатель «потребовал безумия в жизни» и «предложил рискнуть всем». Непринятие радикализма проявлялось ещё в том обстоятельстве, что П.И. Новгородцев был совершенно не знаком с сочинениями А.А. Борового, работавшим с ним в одном университете, на одном факультете и на одной кафедре. Между тем, А.А. Боровой был одним из наиболее известных теоретиков анархизма начала XX века. Анализ политико-правовых аспектов теории анархизма, предпринятый П.И. Новгородцевым и Е.В. Спекторским, претендовал на то, чтобы быть критикой, но на деле таковой не оказался. Критические спекуляции мыслителей меньше всего критиковали именно анархизм, но в конечном итоге в них были высказаны более важные для интеллектуальной культуры России мысли.

Кийченко К.И., науч. сотр. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Кризис общественно-политических идеалов как симптом истощения модерна

Характеризуя общественно-политическую и духовную специфику XX века, выдающийся философ и правовед П.И. Новгородцев писал: «Не мы одни, весь мир переживает в наши дни величайший кризис правосознания. И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это – кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого». Кризис этот во многом обусловлен тем, что «на повестку дня поставлена грандиозная программа внутреннего преобразования всей технической цивилизации, управления технической средой с точки зрения новых экологических, духовных, культурных приоритетов», а человек более не ощущает себя в роли субъекта, «со-участника» и «со-творца» Истории, действующего во имя достижения общественного идеала. Современный человек готов отказаться от любых идеалов во имя наслаждения благами прогресса. Это – симптом нашей эпохи, симптом глубочайшего духовного кризиса, нуждающегося в особом осмыслении. Кредо новой эпохи еще предстоит выработать, но осмысление современной культурной ситуации состоит в том, что конец XX и начало XXI века ознаменованы небывалым реваншем самых примитивных человеческих инстинктов и потребностей. Этот реванш предопределен небывалой свободой современного человека и его беспрецедентной технологической оснащённостью. Вся предыдущая история культуры, пожалуй, не знала подобной драмы. Мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: научно-технический взлет в эпоху модерна, предопределивший коренные изменения в повседневной жизни, не только не привел современность к морально-

нравственному прогрессу, но, вопреки чаяниям многих сциентистов, предопределил духовной регресс современной эпохи. Рост комфортности жизненных условий большинства людей не привел их к более комфортным душевным состояниям. Проблематизация будущего, обеспокоенность судьбами личного и общественного капитала, новейшими «глобальными» проблемами обнаруживают под собой извечную мятущуюся человеческую природу. Быть может, «дух, плененный материей» еще более уязвим перед тяготами и испытаниями, чем аскетический дух предшествующей эпохи. Как заметил Альберт Швейцер: «Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что принято называть культурой». Представляется, что «низкое» в современной культуре доминирует по причине более легкой его переводимости на язык любой этнической и социальной группы, что облегчает трансляцию и усвоение инокультурного опыта. Усвоение же образцов, моделей и ценностей «высокой» культуры требует слишком обширного «бэкграунда», которого чаще всего нет и не может быть у человека иного культурного ареала. Поэтому в современную эпоху глобальных культурных связей мы остро почувствовали контраст между легкостью и скоростью распространения разнообразных повседневных практик, произведений массового искусства и замкнутостью, локальностью, непрозрачностью «высокой» культуры. Долгосрочные последствия этих духовных трансформаций еще предстоит осмысливать культурологам, политологам, философам, но очевидно, что по-прежнему актуально звучит завет П.И. Новгородцева: «Человек жаждет абсолютного, и в мире относительных форм не находит прочного удовлетворения. В этом мире ему суждены вечные искания, суждена история, как движение к бесконечной цели, как процесс постоянных перемен, а не эсхатология, не успокоение на последних вещах, на конечном блаженстве». И наступивший XXI век, очевидно, будет веком поиска общественного идеала, которого неминуемо разыскивает душа человеческая.

Соловьев А.В., к.ф.н., доц. кафедры философии политики и права философского факультета МГУ

Общественный идеал и война

Проблема общественного идеала привлекала П.И. Новгородцева на всем протяжении его творчества. Общественный идеал в трактовке Новгородцева представляет собой недостижимое стремление людей к справедливости, направленное в будущее. Общий контекст размышлений П.И. Новгородцева об общественном идеале позволяет считать, что он усматривал тесную связь законодательства и политики. Войну он рассматривал как атрибут жизни общества, как историческую данность. Мысли талантливого русского правоведа находят подтверждение в наше время. Правовое государство и демократия, являющиеся сегодня воплощением общественного идеала, далеко не всегда являются гарантами мира. Общественному идеалу свойственна историчность. Пока в мире существуют не только демократии, но также иные режимы, которые еще больше подвержены конфликтам и войнам, общественный идеал (как бы он ни трактовался) не предполагает в ближайшем

будущем отказ от вооруженных сил, полное разоружение и прекращение войн и военных конфликтов. Появляются новые типы войн: сетцентрические, ассиметричные, гибридные и т.п. Как найти решение проблемы соотношения общественного идеала и войны – это задача философов, правоведов, политологов и политиков.

Попов А.А., к.ф.н., ст. преп. кафедры истории русской философии

Роль П. И. Новгородцева в истории русской интеллигенции начала XX века

Работа П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» была философским исследованием, в котором автор пришел к выводу, что в пределах исторического прогресса невозможно преодолеть противоречие между идеалом и действительностью. Он критиковал марксистов, которые верили в его осуществление при помощи классовой борьбы и социальной революции. Новгородцев был одним из организаторов первого сборника статей русской интеллигенции «Проблемы идеализма». Более того, он был его редактором, автором предисловия и одной из статей. Успех этого проекта вдохновил в 1909 году организаторов сборника «Вехи». В 1918 году Новгородцев принял участие в подготовке другого «эпохального» для русской интеллигенции сборника статей: «Из глубины». Вся историю отечественной интеллигенции XX века можно рассматривать как историю выхода в свет многочисленных сборников статей: от - «Проблем идеализма» (1902 г.) и до - «Из-под глыб» (1974 г.). В сборниках Новгородцев защищал принципы этического индивидуализма и неотчуждаемости прав человека. В России интеллигенция не сумела осознать, что нравственная основа социализма, которая декларировалась как уважение к человеческой личности, есть начало либеральное, а не социалистическое. Антигосударственное отщепенство интеллигенции – это есть результат влияния социалистических и анархических учений, которое должно быть устранено.

Пономарев В.Н., к.ф.н., доцент кафедры истории русской философии

Философские воззрения П.И. Новгородцева: личность и государство

П.И. Новгородцев разделял идею Канта о сверхэмпирической природе права, происхождении права из абсолютного начала личности. Вместе с тем он утверждал о необходимости метафизических построений, поскольку человек «жаждет абсолютного». Ученый также высоко ценил концепцию права Гегеля, показавшего, как принцип Канта действует в жизни, и каким образом право в своей метафизической сущности снимает абсолютное различие личностей и выражает сверхэмпирическое их единство. П.И. Новгородцев провозглашал необходимость идейного синтеза Канта и Гегеля. Однако ученый интересен, прежде всего, тем, что внес в известную концепцию естественного права значимые изменения. Он упрекал Канта в чрезмерном противопоставлении сверхэмпирической сущности права и его применению в опыте, «мире явлений». Глубокой ошибкой П.И. Новгородцев считал концепцию Гегеля о развитии общественных форм человеческой жизни, ведущей человека к совершенству, построению «земного рая». Суть ошибки кроется в том, что возможная гармония между личностью и государством достигается слишком просто, так как предельно упрощена сущность человека. Оригинальность

философского мышления П.И. Новгородцева состоит в глубокой разработке проблемы личности и гармоничного соотношения личности и государства. Проблема личности, считал мыслитель, коренится не в сфере социальных отношений, а в глубинах собственного сознания, в вопросе о «самостоятельном значении нравственного начала». По мнению П.И. Новгородцева, «это вечные основы морального сознания и прежде всего – принцип личности и ее безусловного значения». Личность для П.И. Новгородцева оказывается той онтологической опорой, с помощью которой он пытается решить проблемы человеческого бытия. Разум, по мнению ученого, выступает единственным источником идеи должного, представляя собой факт «чистого сознания», независимого от исторической необходимости. Отсюда разумное начало в личности есть свойственная ей автономная нравственная идея, не связанная с конкретным содержанием и существующая только в личностном сознании. По существу, П.И. Новгородцев отказывается от формального правосознания в пользу религиозно-метафизического понимания взаимоотношения личности и государства, предлагая поставить «на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – агиократию, власть святынь».

Бобылева Д. Ю., аспирантка кафедры истории русской философии

Русская философия права в работах Анджея Валицкого

Анджей Валицкий (р. 1930) – всемирно известный польский академик, историк русской философской и политической мысли, автор множества работ и энциклопедических статей, лауреат Премии Бальцана (1998). Специфика исследовательского метода А. Валицкого состоит в том, что автор рассматривает историю русской философии как «поток идей», как единство в многообразии, в котором выделяются различные течения, как религиозные, так и нерелигиозные, рационалистические. Работа Анджея Валицкого «Legal Philosophies of Russian Liberalism» (1987), в 2012 году опубликованная на русском языке, – одна из первых зарубежных работ, посвященных проблематике отечественной философии права. Русская политическая философия представляет для А. Валицкого особый предмет исследовательского интереса. Анализируя творчество П. И. Новгородцева, Валицкий заостряет внимание на концепции идеалистического либерализма и трактовках таких понятий, как «суверенитет» и «естественное право», а также разбирает полемику между П. И. Новгородцевым, Б. Н. Чичериным и Л. И. Петражицким. А. Валицкий не находит собственное творчество П. И. Новгородцева новаторским для своего времени, но при этом высоко оценивает его заслуги как историка политико-правовой мысли и систематизатора философско-правовых идей.

М.А. Маслин, Д.Ю. Бобылева.